

А. Г. ТАТАРИНЦЕВ

К ВОПРОСУ О ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
ОДЫ „ВОЛЬНОСТЬ“ РАДИЩЕВА

Ода «Вольность» существует в трех редакциях, включающих: 1) 50 строф — в первопечатном издании «Путешествия», 2) 28 строф — в цензурной рукописи и 3) 54 строфы — в «лонгиновском» списке. В такой последовательности она и становилась известной исследователям. Предстояло решить, в какой очередности появлялись эти редакции из-под пера А. Н. Радищева.

До недавнего времени существовало твердое убеждение, что в 1781—1783 гг. были написаны все 54 строфы, из которых для цензурной рукописи были избраны 28, а уже при печатании книги ода была расширена до 50 строф.¹ Следовательно, очередность появления редакций представлялась в такой схеме: 54—28—50. Г. Шторм предложил другую, совпадающую с последовательностью, в какой исследователи открывали разные составы оды, а именно: 50—28—54.² Третье решение дал Д. С. Бабкин: 28—50—54.³ Эти схемы (50—28—54, 54—28—50, 28—50—54) отражают разное понимание важнейших проблем творчества А. Н. Радищева. Ясно, что правильной может быть лишь одна из них.

Прежде всего, какой из этих составов оды должен быть принят как проявление последней «авторской воли» — из 50 или 54 строф (состав из 28 строф цензурной рукописи отпадает сам собой, так как автор в книге дал более полную редакцию)? Ответ на этот вопрос не может быть однозначным. Если речь идет об идейной и композиционной роли оды в «Путешествии», то она и должна браться в составе тех строф, которые здесь даны и пронумерованы. Четыре исключенные строфы при этом могут учитываться лишь в том отношении, в каком это исключение придавало особый смысл оставленным строфам, акцентировало какие-то нюансы, которые затемнялись в их присутствии. Если же ставится задача раскрытия творческой эволюции писателя, то, во-первых, оду сле-

¹ Макогоненко Г. П. Радищев и его время. М., 1956, с. 400—411.

² Шторм Г. Потаенный Радищев. М., 1968, с. 304—324.

³ Бабкин Д. С. А. Н. Радищев. Литературно-общественная деятельность. М.—Л., 1966, с. 100—102.

дует рассматривать как самостоятельное произведение и, во-вторых, в ее полном составе. Как раз здесь исследователя и ожидает важный и сложный вопрос: какой из двух составов (в 50 или в 54 строфы) является первоначальным? От ответа на него зависит и решение проблемы творческой истории «Путешествия», и представление о творческой эволюции писателя вообще.

Содержание трудов Г. Шторма и Д. С. Бабкина, выдвинувших гипотезу о позднейшем (после возвращения Радищева из Сибири) создании четырех строф (сверх 50) общеизвестно, как общеизвестны и различия точек зрения обоих исследователей. Хотя по времени книга Г. Шторма предшествует работе Д. С. Бабкина, начать будет целесообразнее с последней.

На том основании, что в разных источниках (цензурной рукописи, печатном издании 1790 г. и подготовленной сыновьями Радищева к печати рукописи 1806 г.) ода «Вольность» дана в разных редакциях, Д. С. Бабкин сделал вывод, что эти редакции соответствуют трем этапам работы Радищева над стихотворением. Первым из них он считает работу до сдачи рукописи книги в цензуру, когда объем оды якобы «не превышал 28 строф». Это доказывается следующим расчетом: «В рукописи, сданной в цензуру, текст оды занимал семь листов: 186—192. Из них сохранилось четыре листа: 186—189. Вслед за ними следует лист 194, на котором продолжается текст главы „Городня“, начинающейся словами: „Кто напоит меня и накормит“. Глава „Городня“ началась на 193-м листе, а на листах 190—192 были продолжение и конец оды. Если учесть, что на каждом из предыдущих четырех листов написано по 4 строфы, то на утраченных трех листах было не больше 12 строф. Следовательно, общий объем оды в момент сдачи рукописи в цензуру не превышал 28 строф».⁴

В этом расчете верно лишь то, что в рукописи сохранилось 4 листа с текстом оды и что 28 ее строф могли занять 7 листов. Все остальное, из чего делается заключение о «первом этапе», — сплошное недоразумение. Д. С. Бабкин полагает, что сохранившиеся листы пронумерованы: 186, 187, 188, 189. Так должно бы быть. Но должное выдается за сущее без всякого на то основания. На самом деле пагинация этих листов иная, а именно: 186, 186bis, 187, 188. Лист 189 исследователем «придуман»: его в рукописи нет. Именно с него и начинаются утраченные листы. Отсюда следует, что оставшая часть (кроме сохранившейся) 28-строфного состава оды должна разместиться не на 190—192, а на 189—191 листах. Таким образом, оказывается (если принять расчет Д. С. Бабкина), что л. 192—193 рукописи были чистыми, ничем не заполненными. Ошибка очевидная. Но она не единственная и не самая странная. Исследователь почему-то считает, что первый из сохранившихся листов с текстом главы «Городня» имеет номер

⁴ Бабкин Д. С. А. Н. Радищев. Литературно-общественная деятельность. М.—Л., 1966, с. 100.

194. В действительности здесь проставлен номер 197. Можно было бы найти оправдание этой ошибки в том, что цифры 4 и 7 в радищевском написании трудноразличимы. Но Д. С. Бабкину достаточно было бы взглянуть на следующие сохранившиеся листы, чтобы увидеть на них номера: 198, 199 и т. д.

Следовательно, в рукописи утрачены не 3 (как показалось Д. С. Бабкину), а 7 листов. Из них, как уже отмечено, лишь 3 (189—191) могли быть заняты остальными 12 (точнее — 11 с половиною, потому что половина строфы 17-й первоначальной нумерации помещена на л. 188 об.) из 28 строф. Чем были заняты остальные 4 листа (192, 193, 194, 196) — этот вопрос перед исследователем, понятно, не возник. Таким образом, концепция «трех этапов» рушится при самой элементарной проверке предложенных расчетов. Теперь Д. С. Бабкин либо должен принять традиционное решение вопроса (закрепленное к середине 1950-х гг. Г. П. Макогоненко), либо согласиться с Г. Штурмом. С последним его сближает гипотеза о позднейшем написании 4 строф (хотя в отношении того, какие именно строфы были «дописаны», единства между ними нет).

Для установления количества строф, которые Радищев намеревался первоначально изложить, обратимся к цензурной рукописи. На сохранившихся ее листах (186, 186bis, 187, 188) находятся строфы, вначале (полагаем, до представления рукописи в цензуру) пронумерованные последовательно цифрами от 1 до 17. Затем (после получения рукописи из цензуры) Радищев дал им новую — прерывистую — нумерацию: 1, 3, 4, 6, 7, 10, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 23. Она, как отмечают все исследователи, совпадает с перечнем «избранных» строф, данных в послесловии к оде в «лонгиновском» списке. Здесь сказано: «Строфы 3, 4, 6, 7, 10, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 23, 24, 25, 30, 31, 32, 35, 38, 39, 40, 41, 42 прочитав, я ему («новомодному стихотворцу», — 4. Т.) сказал...». В этом перечне не указана лишь 1-я строфа, так как она была прочтена и прокомментирована самим стихотворцем, а Путешественник просто прослушал ее и затем начал нам читать оду со строфы 3-й. Вот эту сохранившуюся часть состава оды из 28 строф Г. П. Макогоненко и Д. С. Бабкин считают первоначальной, и окончательной (т. е. не подвергавшейся никаким изменениям) ее редакцией в составе цензурной рукописи — с той только разницей, что первый исходит из предположения о существовании 54 строф к моменту представления рукописи в цензуру, тогда как второй ошибочно считает, будто этому времени и написано всего 28 строф. С ними не согласен Г. Штурм. О его построениях приходится говорить вновь особо, так как и после научного опровержения его гипотезы и сам автор, и сотрудники ЦГАДА (где хранится цензурная рукопись «Путешествия»), и редакции ряда журналов и газет продолжают убеждать широкие круги читателей, будто «открытие» состоялось.

Г. Шторм утверждает, что Радищев вначале дал в рукописи 50 строф, так как (будто бы) к моменту представления ее в цензуру ода насчитывала именно такое количество строф; получив же цензурное разрешение, автор изъял те листы, на которых ода давалась в составе 50 строф, и вставил другие с новой редакцией стихотворения (из 28 строф).

Здесь перед Г. Штормом должен был сразу возникнуть вопрос, зачем Радищев подменил листы. В самом деле: если, как говорит автор «Потаенного Радищева», ода была включена вначале в цензурную рукопись в составе 50 строф, то подменять листы понадобилось бы лишь в том случае, если бы в печатном тексте произведение было дано в ином составе. Но оно и в книге представлено 50 строфами (только в сокращении, что не могло быть поставлено автору в вину; напротив, в какой-то мере даже оправдывало бы его). К чему же бы Радищеву, ожидавшему ареста и знавшему, что у него прежде всего потребуют рукопись для сверки с текстом книги (так и случилось), создавать столь разительное, бросающееся в глаза и со всей очевидностью уличающее его расхождение, давая в первой только 28 строф, тогда как в книге их — 50? Для того чтобы дать следствию беспспорное подтверждение пренебрежительного отношения к цензуре? Если так, то это было лишнее всякого здравого смысла решение. Но мы далеки от того, чтобы приписать его Радищеву.

Как же и с какой целью Г. Шторм доказывает подмену листов рукописи? Он рассуждает: на л. 186—196 (т. е. в той части где располагалась ода) могло разместиться 500 стихотворных строк плюс прозаические «окрестности». Значит, к моменту печатания книги ода и насчитывала только 50 строф, а не 54. Для 4 строф (сверх 50), говорит автор «Потаенного Радищева», на этих листах не нашлось бы места, а о «Творении мира» и говорить нечего. Следовательно, и 4 строфы оды, и эта поэма написаны в 1800 г. Вот из таких расчетов и рождается главная гипотеза Г. Шторма; на тезисе о подмене листов держится все «открытие». Именно здесь — самое уязвимое место его сложных построений, и автор хорошо знает об этом: не желая привлечь к этому месту внимание читателей, он в первом издании своей книги писал о подмене мимоходом. Когда же были высказаны критические замечания, во втором издании книги Г. Шторм счел необходимым «подкрепить» именно это место, понимая, что в противном случае «открытие» рухнет. О том, как он это делает, будет сказано далее.

Вернемся к заявлению о подмене листов. Оно голословно очень легко опровергается.

Выдвигая эту версию, автор должен был подтвердить (хотя бы сравнением л. 186—188 (якобы подмененных) с листами прилегающими к ним с обеих сторон, и по каким-нибудь признакам, приметам показать неоднородность рукописи в этом месте. И автор, верный себе, опять-таки ограничивается предположени-

(тут же «забывая», что это предположение, и оперируя им далее как доказанным фактом), которое уместно было бы лишь в том случае, если бы он вообще не видел рукописи, не листал ее: «Листы эти (те, о которых говорится, что они подменены, — А. Т.), очевидно, переписаны в большой спешке».⁵ Вот так: «...очевидно ... в большой спешке!» Откуда же такие сомнения? Разве так трудно наглядно показать (хотя бы с помощью фотокопий, которые в других не столь ответственных случаях в книге воспроизведены) и доказать, что текст так называемых подмененных листов писался в «большой спешке»? Показывается же и доказывается это в отношении вновь открытого списка «Г»! Нет ничего проще доказать это и в отношении многих других листов рукописи, действительно подмененных или вновь включенных в нее после цензуры. В данном же случае невозможно доказать недоказуемое (почему автор и не дает соответствующих фотокопий). Очевидно — при внимательном изучении рукописи — другое: л. 186—188, их формат, цвет, степень загрязненности, цвет чернил, почерк, характер исправлений — буквально все в этой части рукописи (которую Г. Шторм считает подмененной) идентично, однородно с примыкающими к ней с обеих сторон листами, 185-м с одной стороны, 197-м — с другой (л. 189—196, как уже сказано, в рукописи утрачены). Но для гипотезы автора «Потаенного Радищева» мысль о подмене листов имеет решающее значение. В противном случае, если эту подмену не декларировать, придется считать вариантом оды, включавшимся в цензурную рукопись, именно тот, который сохранился в ней и поныне, т. е. в составе 28 избранных строф. В этом случае Г. Шторму придется отказать и от версии о позднейшем написании поэмы «Творение мира», ибо она вместе с 28 избранными строфами оды и прозаическими «окрестностями» свободно размещается на указанных 186—196) листах, целиком заполняя их. Не касаясь иной аргументации Г. Шторма в пользу позднейшего создания поэмы (она провергнута достаточно убедительно и литературоведами, и музыковедами),⁶ привожу расчет, показывающий, как именно эти листы могли быть заполнены.

Последний из сохранившихся листов главы «Тверь» — 188-й. На его обороте даны 24 стихотворные строки. На предшествующих же (186, 186bis, 187) изложено 140 строк, а всего, следовательно, на сохранившихся листах главы «Тверь» дано 164 строки. По плану «избранных» строф Радищев должен был дать 30 строк. Таким образом, остальные 116 строк (280—164—116) занимали, принимая расчеты самого Г. Шторма, л. 189, 189 об., 190, 190 об., 191. Далее следовало прозаическое послесловие к оде (около 600 знаков), которое требовало для размещения не менее

⁵ Шторм Г. Потаенный Радищев, с. 306.

⁶ См.: Рус. лит., 1966, № 1, с. 244—257; Штейнпресс Б. Радищев и йдн. — Сов. музыка, 1968, № 8, с. 131—137.

25 рукописных строк: ⁷ оно занимало нижнюю часть л. 191 и всю его оборотную сторону. Прозаическое вступление к поэме «Творение мира» вместе с заголовком, подзаголовками и его первой строкой (состоящей из 39 знаков) должны были занять объем не менее 18 рукописных строк л. 192. Оставшаяся его часть (6 строк) и л. 192 об. — 195 об. составляли тот объем, который необходим для размещения самого «Творения мира»: оно состояло из 99 коротких (от 5 до 29 знаков), 14 длинных (от 29 до 41 знака) стихотворных строк и 14 интервалов между строфами; каждый интервал вместе с размещавшимися в нем названиями действующих лиц занимал по ширине и длине листов то же пространство, что и три сплошь написанные строки; длинные стихотворные строки занимали каждая в отдельности по две строки в рукописи — так же, как и некоторые строки оды «Вольность» в ее сохранившейся части (например, стихи: «В нем сильных мышь твоих ударом» и «В различных видах смерть летает» — по 31 знаку — занимают каждый на л. 186 и 187 по две строки в рукописи). В целом «песнословие» требовало для своего размещения 169 строк или 7 страниц (по 24 строки на каждой). И, наконец последний из утраченных листов (196-й) был заполнен прозаическим послесловием к «Творению мира» (около 450 знаков, или 20 строк) и началом главы «Городня» (около 640 знаков, или 28 строк). Далее идет л. 197 (сохранившийся), содержащий продолжение главы «Городня» («Кто напоит меня и накормит...»).

В расчетах же, которые приводит Г. Шторм, игнорируется одна деталь, на которую ему уже было указано, а именно: из тех 50 строф, которые он считает первоначальным составом оды в цензурной рукописи, на л. 186—196 должно бы размещаться лишь 46, потому что 4 строфы Радищев выбросил (это признается автором: «Потаенного Радищева»), а еще 4 будто бы не были написаны. И 46 строф с прозаическим текстом заняли полностью л. 186—195. На лицевой стороне л. 196 в этом случае разместилось бы лишь прозаическое послесловие к оде (примерно третья часть листа). Остальное пространство этой лицевой и всей оборотной сторон л. 196 оказывается, по расчетам Г. Шторма, не заполненным. Это как и в случае с расчетом Д. С. Бабкина, ошибка очевидная.

Г. Шторм оставил без внимания и другие детали, противоречащие его гипотезе. В рукописи, в ее сохранившейся части, в печатном тексте книги (соответствующем не сохранившемуся в рукописи началу главы «Городня») остались следы первоначального «присутствия» поэмы «Творение мира». В рассуждении о стихотворстве, предшествующем оде «Вольность», «товарищ... трактирного обеда» Путешественника порицает современную поэзию за засилье ямбов: «Парнасс окружен ямбами, рифмы стоят везде на карауле» (I, 353). Казалось бы, после т

⁷ В рукописи каждая прозаическая строка включает от 18 до 1 редко — до 26 знаков.

кого неодобрения не совсем уместно чтение ямбической «Вольности». Но стихотворец далее разъясняет свою позицию: он не против ямба вообще, а считает, что и другими размерами не следует пренебрегать: «Что такое ямб, хорей, дактиль или анапест, всяк знает, если немного кто разумеет правила стихосложения. Но то было бы неизлишнее, если бы я мог дать *примеры в разных родах достаточные*» (I, 353; курсив мой, — А. Т.). Это рассуждение отражает поиски Радищевым новых, не традиционных принципов стихосложения, его тяготение к безрифменному стиху. Его опыты в этом направлении и их оценка современниками и позже Пушкиным общеизвестны. «Творение мира» (как и некоторые другие стихотворения Радищева 1780-х гг.) как раз и являло собой образец «разных родов» стиха — наряду с написанной ямбами «Вольностью». Именно поэтому в прозаическом послесловии к оде и непосредственно перед поэмой Радищев писал: «Да будет оно («песнословие», — А. Т.) пример, как можно писать не одними ямбами» (I, 431). Таким образом, в начале главы «Тверь» Радищев делал теоретическую «заявку» и обоснование «употребления в одном сочинении разного рода стихов», а затем демонстрировал и сами эти образцы.

О том, что в цензурную рукопись была включена не только ода, но и поэма «Творение мира», говорит первая же фраза из главы «Городня», которая логически вытекала из предшествовавшей демонстрации разного рода стихов, точнее — из послесловия к поэме. Радищев здесь пишет: «Въезжая в сию деревню, *не стихотворческим пением* слух мой был ударям, но пронзающим сердца воплем жен, детей и старцев» (I, 362; курсив мой, — А. Т.). Как возникла эта антитеза и как она оказалась в печатном тексте книги, не содержащем «стихотворческого пения»?

Мы знаем (из «лонгиновского» списка), что «новомодный стихотворец» заключал послесловие к поэме «Творение мира» словами: «Что ж вы скажете о употреблении в одном сочинении разного рода стихов? Но сие смешение не только прилично *малому и для пения определенному стихотворению*, то удачно будет и в епопеи» (I, 431, курсив мой, — А. Т.). Это резюме связано с мыслями, высказанными в начале главы «Тверь». Из него же становится ясно, что «малое и для пения определенное стихотворение» и есть «Творение мира». Под это определение невозможно подвести оду «Вольность». Было бы абсурдом считать, что в качестве первого «члена» противопоставления в данной антитезе выступает произведение («Вольность»), совсем не рассчитанное для пения, как бы указывающее путь освобождения тем самым крестьянам, вопли которых автор слышит. Когда Радищев в первой же фразе главы «Городня» говорит, что слух «был ударям» не «стихотворческим пением», то он, конечно же, имеет в виду только что отзвучавшее «песнословие». И именно потому, что после главы «Тверь» следовала глава «Городня», содержащая призыв «разбить железом... главы господ», в окончательной ре-

дакции книги и была оставлена только ода «Вольность», призывавшая к тому же. Поэма «Творение мира» исключена была, надо полагать, потому, что реальная действительность, открывавшаяся перед читателем в следующей главе, обязывала «мужественного писателя» показывать соотечественникам перспективы революционной борьбы, а не услаждать слух «великопостным» «стихотворческим пением».

Песнословие «Творение мира», долженствующее явиться «примером, как можно писать не одними ямбами», исключается из книги как не вполне созвучное общей тональности, направленности произведения стихотворение. Но при исключении его из книги предшествующий прозаический текст, где давались теоретические рассуждения о стихотворстве, и последующий текст (начало главы «Городня») был оставлен без изменения.

В заключение заметим, что «следы» первоначального включения в рукопись «Творения мира» обнаруживаются в тексте, который, и по Г. Шторму, не является подменным. Таковы факты.

Понимая, насколько шатка его позиция именно здесь, где гипотезами ограничиться уже нельзя и где сами эти многочисленные гипотезы могли бы получить единственное документальное подтверждение, Г. Шторм был вынужден вступить в полемику с оппонентом, заметившим это. На с. 307—308 второго издания своей книги он пишет: «...Татаринцев ... предпринял попытку доказать, что ода „Вольность“ была представлена в цензуру Радищевым в объеме 28 строф. Для этого ему нужно было оспорить мое утверждение, что автор „Путешествия“, получив разрешение цензуры, сократил полный (в 50 строф) текст оды и подменил соответствующие листы. Никакой подмены листов не было, возразил Татаринцев и в качестве доказательства этого сослался на открытый им в цензурной рукописи — „в верхних левых углах листов“ — особый ряд цифр. На всех уцелевших листах, содержащих текст оды (186—191), заявил он, сохранились следы первоначальной пагинации, перенесенной с протографа; эта пагинация — последовательная и непрерывная — проставлена, „судя по почерку“, Радищевым. Значит, ни о какой подмене листов речи быть не может». «Исследователи, — добавил Татаринцев, — обратили внимания на этот цифровой ряд».

Здесь необходимы некоторые уточнения. При обсуждении книги Г. Шторма в ИРЛИ в 1965 г. отмечалось, что следы первоначальной пагинации, перенесенной в рукопись с «протографа», содержатся «слева вверху на каждом четвертом», а не на всех уцелевших листах, как передает Г. Шторм. Вношу небольшую поправку: «протографные» номера даны в рукописи через каждые четыре листа. Но это не меняет сути дела. Г. Шторм должен был обратить внимание хотя бы на самую эту особую пагинацию и объяснить ее значение в связи с гипотезой о подмене листов. Но, как явствует из второго издания книги, он опять не заметил (или не захотел заметить?) «протографных» номеров. Это, на-

конец, становится странным, если не сказать — смешным. В смешное положение попал, полагает Г. Шторм, оппонент. Так ли это? Приходится, для установления истины, повторяться. Что это за вновь открытая пагинация?

Цензурная рукопись имеет, как указывал еще Я. Л. Барсков, три пагинации: первоначальную (для цензуры — «П»), измененную (во время печатания книги или перед арестом — «И») и архивную («А»). Последняя нас меньше всего интересует сейчас. Нумерация же, названная Я. Л. Барсковым первоначальной, была проставлена в верхних правых углах лицевой стороны листов. Затем, в связи с сокращениями и дополнениями рукописи, эта нумерация во многих случаях была переправлена, позже — зачеркнута. А чуть ниже зачеркнутых номеров были проставлены новые номера листов. По этой последней пагинации в рукописи учтено (до «Слова о Ломоносове») 187 листов, тогда как по «первоначальной» их было 227. Разница эта говорит о примерном объеме утраченной части рукописи. Об этом известно давно. Не обращалось же до сих пор внимания на весьма важную деталь: через каждые четыре листа и па всем протяжении рукопись пронумерована (исключая листы, появившиеся после цензуры!), начиная с 1-го и кончая 227-м листом, еще раз — в верхних левых углах той же лицевой их стороны цифрами от 1 до 52, т. е. вся рукопись как бы состояла из 52 счетверенных листов.

Известно, что книга набиралась по «тетрадам, писанным в пол-листа», которые Радищев «присылал» наборщику в «верхние покои» (где находился станок) и которые «по отпечатании... возвращались Радищеву».⁸ Известно и другое: недавно найденный Г. Штормом список «Г» воспроизводит одну из самых ранних редакций «Путешествия», состоящую из отдельных тетрадей. В ней, кроме общей для всех листов и непрерывной пагинации, в нижней части листов находим следы какой-то другой нумерации. Так, например, л. 8—11 имеют снизу номера: 1, 2, 3, 4. Вероятно, эта нумерация, как и счетверение листов цензурной рукописи, связана с теми самыми «тетрадами, писанными в пол-листа», о которых говорил на допросе наборщик Ефим Богомолов.⁹

Для внесения необходимой ясности воспроизводим здесь нумерацию листов с главы «Тверь» и до конца рукописи по схеме: слева — пагинация верхних левых углов («протографная»), через тире — соответствующие ей номера листов «первоначальной» пагинации, их правых верхних углов. В скобках, рядом с этими номерами, другие цифры с буквой «И» даются в тех случаях, когда на листах дана только позднейшая, измененная пагинация (т. е. когда листы были подменены или включены вновь). Знаком «*» обозначаем утраченные листы:

⁸ Бабкин Д. С. Процесс А. Н. Радищева. М.—Л., 1952, с. 225.

⁹ То, что список «Г» воспроизводит одну из самых ранних редакций книги, доказано В. А. Западным в статье «Работа А. Н. Радищева над „Путешествием“» (Рус лит., 1970, № 2, с. 161—173).

- 40 — 181, 182, 183*, 184
 41 — 185, 186, 186bis, 187
 42 — 188, 189*, 190*, 191*
 43* — 192*, 193*, 194*, 195*
 44* — 196*, 197, 198, 199
 45 — 200, 201, 202, 203
 46 — 204, 205, 206, 207
 47 — 208, 209*, 210, 211
 48 — 212, 213*, 214*, 215
 49* — 216*, 217, 218*, 219
 50 — 220, 221, 222, 223* (181 «И»)
 51* — 224* (182 «И»), 224bis, 225* (184 «И»), 226
 52 — 226bis, 227* (187 «И»)...

Итак, особый цифровой ряд или особая («протографная», первая по времени проставления) пагинация — реально существующий факт, который может быть игнорирован при анализе рукописи лишь преднамеренно. В том, что эта пагинация проставлена еще до напечатания книги, убедиться очень легко: она дана только на тех листах, которые составляют первоначальную (доцензурную) основу рукописи. Но ее нет ни на одном из тех листов, относительно которых мы совершенно точно знаем (со слов самого Радищева и по почеркам, принадлежащим не А. А. Царевскому), что они включены в рукопись после цензуры, например, в послецензурных дополнениях — рассказе о свадьбе Дурындина или «Кратком повествовании о происхождении цензуры». Вывод отсюда очевиден: те листы рукописи, на которых имеются номера «первоначальной», «измененной» и «протографной» пагинации в верхних углах лицевой стороны, являются не изменявшейся и не подменявшейся ни на какой стадии работы Радищева над рукописью ее основой (переписанной рукой А. А. Царевского). Но все эти номера — «первоначальный», «измененный» и «протографный» — имеются и на двух (из пяти) сохранившихся листах рукописи, на которых дается предварительное рассуждение о стихотворстве и размещены избранные строфы оды «Вольность», а именно — на л. 185 и 188. На первом из них слева вверх проставлен номер 41, а на втором (через четыре листа) — номер 42.

Вот об этом шла речь при обсуждении книги Г. Шторма в ИРЛИ. Какой же вывод сделал автор «Потаенного Радищева»? Цитируем соответствующее место его книги: «В присутствии В. Н. Шумилова, директора Центрального государственного архива древних актов, сообщение Татаринцева было проверено. Оказалось, что исследователи действительно не заметили этот цифровой ряд; но их невнимание простительно: дело в том, что на лицевой стороне названных листов, в их верхних левых углах, нет вообще никакой пагинации; она имеется на оборотной их стороне, но проставлена отнюдь не рукой Радищева, а рукою одного из технических сотрудников архива, вполне современным карандашом».¹⁰

¹⁰ Шторм Г. Потаенный Радищев, с. 312.

Вполне согласимся с Г. Штормом лишь в одном: невнимание исследователей, которые не выдвигали гипотез о позднейшем происхождении «лонгиновского» списка и, следовательно, не испытывали необходимости изучать систему пагинаций рукописи, действительно простительно. Но вовсе непростительно для автора, занимающегося изучением творческой истории «Путешествия», быть столь «невнимательным» после того, как ему указаны его упущения.¹¹

Имея в виду странное нежелание Г. Шторма увидеть особую пагинацию рукописи и его утверждение, что ее «нет вообще», В. А. Западов был вынужден заметить: «Тем не менее она есть — и в этом, не заглядывая в рукопись, легко может убедиться любой, кто возьмет „Материалы к изучению «Путешествия»“ и прочтет, например, на стр. 244: „... на поле 84а — «25»; на поле 88а — «26»; ... 91а — 125л, на поле — «27»“. Вот эти цифры — 25, 26, 27 (Я. Л. Барсков привел не все имеющиеся в рукописи цифры данного ряда) и есть та четвертичная, „протографная“

¹¹ Весьма странную позицию в этом принципиально важном вопросе радищевской текстологии заняла редакция «Литературной газеты», которая трижды (в 1965, 1969 и в 1974 гг.) отклоняла отклики на книгу Г. Шторма, в которых содержались изложенные здесь соображения, подкрепленные фотокопиями соответствующих листов. В первый раз — под тем предлогом, что редакция не намерена что-либо публиковать о книге Г. Шторма после выступления В. А. Западова и Г. П. Макогоненко (хотя В. А. Западову такая возможность была предоставлена еще раз). Во второй раз после консультации у заинтересованных лиц (В. Н. Шумилова и, по-видимому, Г. Шторма и В. А. Западова) был составлен такой ответ: «Мы попросили проконсультировать Вашу статью по поводу книги Г. Шторма работников Центрального государственного архива древних актов. Внимательно просмотрев цензурный экземпляр „Путешествия...“, работники пришли к выводу, что Ваши возражения Г. П. Шторму несостоятельны. Нам были представлены убедительные доказательства, что предложенные Вами в качестве „протографных“ номера листов „Путешествия“ таковыми не являются. Номера эти имеют скорее всего специальное чисто служебное значение» (Письмо редакции от 7 апреля 1969 г. за № 1935).

Нетрудно заметить, во-первых, что данное письмо в его сущности является не чем иным, как повторением уже цитированного отрывка из книги Г. Шторма. Во-вторых, оно свидетельствует, что и редакция пришла к пониманию важности этой нумерации для системы доказательств Г. Шторма. После того как в том же году появилась статья В. А. Западова с разъяснениями по поводу данной пагинации, редакция должна бы была усомниться в том, что «открытие» состоялось. Однако последняя публикация Г. Шторма в той же «Литературной газете» (1973, 22 августа, № 34) была дана под знаком все того же «открытия». Сообщаются здесь и новые, столь же бесосновательные. Утверждается, например, что И. И. Вальц был сослан в Пензу за хранение «Путешествия» (а не за шпионаж, как об этом говорится в секретном указе, давно известном исследователям); и что будто бы Радищев подарил И. И. Вальцу экземпляр книги (а не передал ему через шурина Девиленева для пересылки в Берлин А. М. Кутузову, о чем тоже давно известно). Публикация сопровождается рисунком Илимска, который почему-то приписан самому А. Н. Радищеву (хотя до сих пор он был известен как принадлежавший П. А. Радищеву).

пагинация, которую Г. П. Шторм объявил несуществующей».¹² Эта нумерация проставлена чернилами того же цвета, что и текст соответствующих листов, и видна невооруженным глазом даже на фотокопиях, в несколько раз уменьшенных сравнительно с оригиналом.¹³

Так обстоит дело со схемой «50—28—54». Она, как и схема Д. С. Бабкина (28—50—54), не выдерживает критики. Остается внести необходимые уточнения в схему Г. П. Макогоненко (54—28—50) по вопросу о том, из какого состава (54- или 50-строфного) «избирал» Радищев 28 строф для цензурной рукописи.

Сопоставляя цензурную рукопись с печатным текстом, мы устанавливаем, что все 16 $\frac{1}{2}$ строф, изложенных на сохранившихся листах рукописи, под теми же номерами перешли и в книгу. Но сюда вошли, кроме того, и не названные в перечне «лонгиновского» списка строфы 2, 5, 8, 9, 12, 21 и т. д. Следовательно, после получения цензурного разрешения Радищев пересмотрел свой первоначальный замысел и изложил в книге не 28, а 50 строф. Важно заметить, что все *полностью* приведенные в книге строфы (1, 3, 4, 6, 7, 11, 13, 14, 15, 17, 18, 19, 20, 22, 23) взяты как раз из цензурного состава оды (т. е. из 28 «избранных» строф). В книге нет ни одной полной строфы, которой не было бы в цензурной рукописи. И другое замечание: сокращенный и пересказанный текст 36 строф по количеству знаков равен объему остальных 11 $\frac{1}{2}$ строф цензурного варианта, которые оказались утраченными. А это значит, что Радищев, давая оду в расширенном составе, для ее размещения отводил столько же листов, сколько их требовалось для изложения 28 полных строф. Такое совпадение объема редакции оды в составе 50 строф (14 — полностью, 36 — в сокращениях и пересказе) с вариантом оды из 28 полных строф является лишним подтверждением того, что именно эти 28 строф были в рукописи первоначальными. А тот

¹² Западов В. А. Работа А. Н. Радищева над «Путешествием», с. 163.

¹³ В 1974 г. появилось третье издание книги Г. Шторма «Потайный Радищев». Если в 1968 г. он категорически утверждал, что в «верхних левых углах нет вообще никакой пагинации», то теперь г. Шторм вынужден признать существование особой нумерации XVIII в. Однако он и на этот раз пытается отрицать ее значение для решения вопроса о текстологии оды «Вольность». «Там, — пишет он, — находятся микроскопические, образующие последовательный ряд цифры, не имеющие никакого отношения к авторской пагинации, это — служебная, так называемая охранная нумерация Тайной экспедиции» (с. 272). Словом «микроскопические» Г. Шторм «оправдывается» перед читателем, которого он ранее убеждал в отсутствии данной пагинации, давая понять, будто эти цифры не сразу и заметишь. На самом деле нумерация в левых верхних углах листов видна и читается так же легко, как и весь текст цензурной рукописи. Что касается «так называемой охранной нумерации Тайной экспедиции», то эта формула может произвести впечатление лишь на неосведомленного читателя. Спрашивается, почему же эта «охранная нумерация» проставлена не на каждом листе, а через каждые четыре листа, и почему ее нет как раз на тех листах, послецензурное происхождение которых ни у кого не вызывает сомнения?

факт, что в книге *полностью* приведены только строфы, которые были даны в цензурной рукописи, диктует другой вывод: план «избранного» изложения строф, первоначально принятый для цензурной рукописи, продолжал играть свою роль и на стадии подготовки книги к печати. В соответствии с этим планом готовилась цензурная рукопись, на него автор ориентировался и при окончательной редакции оды. Эти наблюдения и выводы помогают ответить на вопрос, имеет ли данный план — перечень «избранных» строф — прямое отношение к полному (в 54 строфы) составу оды.

Г. П. Макогоненко конкретно этого вопроса не ставит и не рассматривает. Но из того, что он доказывает тождественность редакций оды «лонгиновского» списка и цензурной рукописи, их «равноправность», с одной стороны, и заявляет, что печатный текст (в составе 50 строф) «резко отличается от первоначального (списки цензурный и «лонгиновский») — с другой,¹⁴ следует: план изложения «избранных» строф оды возник на основе полного (в 54 строфы) состава, а к окончательной редакции (в составе 50 строф) он не имеет будто бы никакого отношения. К этому варианту Радищев пришел, по мысли исследователя, из самой последней стадии работы, а именно — когда отказался от плана изложения избранных строф. Но это не подтверждается сопоставлением нумерации строф разных составов оды.

Из первых 17 названных в перечне и изложенных в цензурной рукописи строф только 1, 3, 4, 6 и 7 точно совпадают (своими номерами и содержанием) с «лонгиновским» текстом. Строф этого списка под номерами 10, 13, 22 и 23 вообще нет в цензурной рукописи, хотя к изложению они запланированы. Зато оказались прочтенными 12 и 21 строфы, тогда как в перечне о них не было даже упомянуто. Вообще начиная с 10-й строфы между планом и общей нумерацией строф «лонгиновского» списка нет соответствия: строфе 10-й цензурного состава соответствует 11-я «лонгиновского», 11-й — 12-я, и т. д. Именно это несовпадение позволило Г. П. Макогоненко определить номера двух исключенных строф — 9-й и 24-й. Но оно же говорит и о том, что к «лонгиновскому» списку и (что то же самое) к тому варианту, с которого он воспроизведен, план-перечень не имеет ровно никакого отношения. Перечисляя избранные строфы, Радищев имел в виду другую редакцию стихотворения — в составе 50 строф. *Ко времени составления цензурной рукописи у него под руками была именно эта редакция*: из нее избирались строфы и перечислялись под соответствующими номерами, а не из той редакции, с которой был снят «лонгиновский» список.

Как уже было отмечено, сохранившиеся листы цензурной рукописи дают все указанные в перечне (с 1 по 23) строфы. 9 и 24 в этот перечень не вошли потому, что *они были изъяты (как и еще две другие между 24 и 38 строфами «лонгиновского» спи-*

¹⁴ Макогоненко Г. П. Радищев и его время, с. 400—404.

ска) до составления цензурного варианта оды. Все же составленные строфы в своей нумерации точно совпадают с окончательной редакцией. Из сказанного следует вывод: наиболее ранняя (54 строфы) редакция оды, воспроизведенная в «лонгиновском» списке, первоначально была сокращена до 50 строф, из которых в цензурный список вошло только 28 избранных. После того как рукопись была сдана в цензуру, Радищев решает (возможно, по ее получению) изложить всю оду в составе 50 строф (без четырех, «забракованных» ранее), не увеличивая при этом общего объема книги. Т. е. цензурный список в составе 28 избранных строф частично воспроизводил не первоначальную (в составе 54 строф) редакцию, а ее измененный (сокращенный на 4 строфы) вариант. Таким образом, последовательность работы Радищева над текстом оды сводится к очередности вариантов: 54—50—28—50.

Зная, что план изложения оды относился к ее варианту в составе 50 строф, легко установить заключительную (42-ю по перечню, 28-ю по порядку изложения) строфу цензурного списка. Это — 46-я строфа «лонгиновского» текста:

К тебе душа моя вспаленна,
К тебе, словутая страна
Стремится, гнетом где согбенна
Лежала вольность поправа;
Ликуюешь ты! а мы здесь страждем!...
Того ж, того ж и мы все жаждем;
Пример твой мету обнажил;
Твоей я славе непричастен —
Позволь, коль дух мой неподвластен,
Чтоб брег твой цепл хотя мой скрыл!

Очевидно, мотивы, побудившие Радищева дать в окончательной редакции иную, оптимистическую концовку, были те же, что и при замене первоначальной редакции последней главы «Путешествия» (рассказ о встрече с самоубийцей) «Словом о Ломоносове». ¹⁵ По этим же соображениям были исключены 4 строфы оды. Г. П. Макогоненко пишет, что «Радищев не мог оставить в революционном стихотворении строфы, где в сознательные действия народа, самоотверженно сражающегося с самодержавием, вмешивался бог». ¹⁶ То же самое следует сказать и о поэме «Творение мира». Исключение ее не означает, однако, что Радищев вообще отказался от «песнословия». Позднее в трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии» он вновь возвращается к философской проблеме слова-деяния (раскрывавшейся и в поэме). Рассуждая о всемогуществе слова, о значении речи в усовершенствовании рода человеческого, Радищев писал: «Мне

¹⁵ См. об этом статью: *Татаринцев В. А.* «Слово о Ломоносове» А. Н. Радищева — В кн.: Вопросы русской и зарубежной литературы. Пермь, 1974, с. 17—36.

¹⁶ *Макогоненко Г. П.* Радищев и его время, с. 406.

кажутся аллегорией тех народов весьма глубокомысленными, кои представляют первую причину всяческого бытия произведшее прежде всего слово, которое, одаренное всесилием всевышнего, разделило стихии и мир устроило» (II, 131). В сущности, здесь в сокращенном прозаическом пересказе (напоминающем пересказ некоторых строф оды «Вольность») изложена радищевская концепция акта творения, о котором шла речь в «песнословии». Вообще сопоставление «Путешествия из Петербурга в Москву» с трактатом показывает, что в сибирский период Радищев как бы восстанавливал некоторые отрывки, исключенные при печатании книги в 1790 г. В отличие от «песнословия» в трактате «слово» уже не столь прямо отождествляется с «богом». В «Творении мира» оно трактовалось как выражение самой сущности бога, его творящей субстанции.

Возлюбленное слово,
О, первенец меня;
Ты искони готово
Во мне, я ты, ты я.

Тобою я прославлюсь,
Бездействия избавлюсь
Ты то явишь, что я возмог,
А я в себе почию бог.

(I, 19)

Трудно не заметить, что Радищев в своем стихотворении развивает ту же тему, что и Державин в оде «Бог», словно бы полемизируя с ним. Для подтверждения приведем один пример:

Текст Державина

О ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени превечный,
Без лиц, в трех лицах божества!
Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто все собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем: бог.¹⁷

Текст Радищева

Един повсюду и предвечен,
Всесилен бог и бесконечен;
Всегда я буду, есмь и был,
Един везде все исполняя,
Себя в себе я заключаю,
Днесь все во мне, во всем я жил.
Но неужель всегда пребуду
Всесилен мыслью, мыслью бог? . .

(I, 18)

Совпадения, как видим, разительные и вряд ли случайные: у Державина — «Кто все собою наполняет», у Радищева — «Един везде все исполняя»; у первого — «Ты был, ты есмь, ты будешь век!» (3-я строфа), у второго — «Всегда я буду, есмь и был», и т. п. Как державинский, так и радищевский бог упорядочивает «хаосы бытности довременной», «упругое древнее нечто», пробуждает к жизни «первенственные семена». Но тема бога раскрывается все же у них по-разному. Державин славит божество,

¹⁷ Державин Г. Р. Стихотворения. Л., 1957, с. 114.

сотворившее мир, поражается необъемлемостью субстанции бога, Радищева же привлекает сам акт творения, всемогущество творящей мысли. У первого — лирическое воспевание сотворенного мира и человека в нем, у второго — эпическое описание творческого процесса, рождающего «жизнь, силу, вещество». Ода Державина (как и многочисленные подражания ей в литературе 1780-х гг.) вся написана ямбом; поэма Радищева демонстрировала, *«как можно писать не одними ямбами»*. Она и в этом плане (по форме) полемична, причем полемична не безадресно, а совершенно конкретно. Неприязненные отношения между Радищевым и Державиным зафиксированы свидетельствами современников. В общефилософском, социально-политическом, литературно-эстетическом плане эти отношения могут и должны стать темой специального исследования. В связи с этим и проблема творческой истории оды «Вольность», рассмотренная здесь в текстологическом аспекте, исчерпывающее освещение может получить лишь с учетом конкретных фактов историко-литературного развития, в «контексте» которых она возникла.